

ИНСТИТУТ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

В поиске своей предметной области социологическая наука выделяет то один, то другой аспект социальной реальности. Избранные понятия становятся центральными, начинают приобретать всеобъемлющий характер, первоначально им не свойственный. Такими понятиями уже были и отчасти остаются «система», «культура», «институт». В настоящее время предметное поле понятия «социальный институт» быстро расширяется, большинство социальных явлений начинают обозначаться как институты без какого-либо критического осмысления, по каким критериям им придается институциональный характер. Мы предпримем попытку определить содержание понятий «институт» и «институциональность» как социологических категорий.

Главная проблема, решение которой важно для социологических институционалистов, – это определение природы института как такового.

Каждый человек подчиняется воздействию общества, которое оказывается через институты. Поэтому для отдельного индивида сила института кажется неумолимой, а теоретики придают институту онтологический статус как существующему благодаря самому себе и в самом себе.

Конечно, в таком контексте трудно вести речь о конкретном институте, так как если любой человек задумается о том, что институт брака оказывает над ним принудительную независимую от него власть, он может оказать сопротивление такой власти и отказаться от вступления в брак. Если аналогично он осознает независимую от него власть государства, он может проникнуться идеями анархизма и говорить об отмирании государства. Но, в том случае, если власть институтов остается неосознанной, она будет продолжаться бесконечно долго и воспроизводиться как генетический код с каждым поколением. Более того, отказ от власти одного института неминуемо приведет к власти другого. Следовательно, такова природа человека как члена общества – оказываться под властью институтов.

Исходя из этого, можно говорить об институте как некой всеобщей характеристике социальной жизни и о конкретном институте, который в целом изменчив и поддается человеческому воздействию.

Всеобщий институт мы предлагаем называть институциональностью, так как он не есть что-либо отдельное, а является свойством социальной среды. Тогда наподобие общих свойств природной среды (таких как температура воздуха, например) можно говорить об институциональности как общем свойстве социальной среды.

Важно то обстоятельство, что институциональность нельзя рассмотреть в динамике, т.е. мы ничего не можем сказать о доинституциональном состоянии институциональности и ее деинституционализации. Ее восприятие оказывается слишком статично: институциональность есть. Если некоторых конкретных институтов раньше не было (например, государства), и возможно их не будет в далеком будущем, то ничего подобного нельзя сказать об институциональности. Только представляя древнейших людей как стадо приматов, мы предполагаем, что институциональности когда-то не было. Но такое представление разделяется не всеми. Либо это были не люди, либо они уже имели институциональность как второй после природного – социальный мир. Также можно рассматривать и деинституционализацию институциональности, которая редуцирует человечество к биологическому виду.

Было бы интересно определить границы институциональности. Температура воздуха может быть определена на любом участке земной поверхности. Институциональность также присутствует на любом участке социального мира. Но сам социальный мир (социальное) не поглощает полностью человеческое. Действительно, так называемое аффективное действие (М. Вебер) выводит человека за пределы социального, и здесь уже нет институциональности.

Итак, мы пришли к выводу, что *институциональность – это имманентно присущее свойство социального мира, организующее человеческую жизнь в обществе.*

Если институциональность всеобща, то институт конкретен. Он в целом поддается человеческому воздействию, но в разной мере. Основываясь на взглядах Ю. Хабермаса¹, можно предположить, что в процессе человеческой истории сформировались три типа институтов: инструментальные, нормативно-ролевые и коммуникативные.

Появление *инструментальных институтов* обусловлено компенсацией инстинктов, которые у человека гораздо менее развиты, чем у животных². По аналогии с инстинктами первые институты носят запретительный харизматический инструментальный характер. Инструментальный институт определяет исход более или менее сложных действий, но так, что необходимое сознательное предвидение исхода этих действий – не говоря уже об осознании их целесообразности или необходимости – отсутствует. При этом инструментальный институт необъяснимы из опыта отдельных индивидов.

Воздействие инструментального института на человека и не должно быть осознанным. Напротив, безусловное подчинение и принуждение являются его неизменными атрибутами. Только такой институт позволяют группе (племени, народу) выжить. Он осуществляет скорее внутренний, чем внешний контроль над индивидом. Сам индивид неосознанно контро-

лирует свое поведение, а нарушение признанного порядка вещей карается смертью (включая самоубийство). Поэтому инструментальный институт является управляющим институтом и неуправляем со стороны индивида.

Однако это не означает, что «жесткий» инструментальный институт вечен как институциональность. Напротив, полное отсутствие гибкости приводит его к саморазрушению в случае любых серьезных социальных изменений.

Подчинение природы, развитие материально-технической базы, разделение общественного труда обуславливают перерастание инструментальных институтов в нормативно-ролевые. *Нормативно-ролевой институт* связан с четким распределением функциональных прав и обязанностей (ролей), закрепленных частично в законодательстве (формально), частично в стандартах общепринятого поведения (неформально). Нормативно-ролевой институт осознан, но признается как данность, которую не желательно корректировать. Поддержка индивидом институционализированных норм и ролей активно приветствуется обществом, отсутствие этой поддержки карается санкциями. Контроль над индивидом сменяется с внутреннего на внешний, с самоконтроля на контроль общества. В связи с этим, нормативно-ролевой институт рассматривается прежде всего сквозь призму результатов его функционирования в обществе. К нормативно-ролевому типу относятся как большинство традиционных институтов (где ситуация контролируется с помощью обычая), так и большинство современных институтов государства (где на первый план выходят правовые нормы).

Нормативно-ролевой институт не может столь же безоговорочно рассматриваться в качестве управляющего института как инструментальный. Однако он функционально необходим и поддерживается со стороны общества. Поэтому конкретный индивид не имеет реальных возможностей его корректировки. Можно сказать, что нормативно-ролевой институт не управляет, а создает возможность управлять для определенных групп и классов.

Развитие демократических форм участия граждан в управлении, становление гражданского общества приводят к появлению нового типа институтов – коммуникативных. Коммуникативный институт имеет более «гибкую» институциональную организацию, чем инструментальный и нормативно-ролевой. Его функционирование связано не только с осознанием необходимости институтов, но и с возможностью постоянной их корректировки в коммуникативном диалоге³. Коммуникативный институт – это управляемый институт. Поэтому его развитие требует расширения навыков самоконтроля и децентрализации.

На наш взгляд, в каждый конкретный момент исторического времени все три типа институтов (или их прообразы) имеют место, а институцио-

нальные структуры обществ различаются их пропорцией. В «чистом» виде эти три типа институтов могут рассматриваться как идеальные типы (идеально-типические конструкции).

Мы полагаем, что исходя из данной типологии, возможно анализировать социальные явления и процессы на микроуровне (внутриорганизационная культура, стандарты поведения, формулировка миссии организации и т.д.), на мезоуровне (проблема соучастия государства и гражданского общества в управлении), на макроуровне (становление досовременной, современной и постсовременной цивилизаций).

Гипотеза о трех типах институтов находит свое подтверждение, если условно выделить и рассмотреть три направления социологической институциональной теории.

Инструментальное направление видит в институте инструмент подавления индивидуальной человеческой природы. Это подход берет свое начало в работах Т. Веблена, считавшего, что институты как принятая система общественной жизни, вытекающая из инстинктов, определяют непосредственные цели, подчиняющие себе поведение людей⁴.

М. Вебер полагал, что обычно происходит насильственное внедрение институтов отдельными лицами, которое затем легитимируется как договорное. Если индивид не захочет соответствовать возлагаемым на него ожиданиям, существует шанс, что его заставят повиноваться с помощью «аппарата принуждения»⁵.

Дальнейшее становление инструментального направления исследования институтов связано с указанием на их бессознательный характер. По мнению Ч. Кули, в «разуме индивида институт присутствует как принадлежащая группе в целом, и поэтому бессознательная привычка, способ мышления или действия»⁶. Бессознательность делает институт неуязвимым, вместе с тем, человеческое поведение жестко контролируется.

Впрочем подавление человеческой природы не должно однозначно рассматриваться как недостаток. Так, по мнению Дж. Г. Мида, институты подавляют «Я», но это является единственным путем обретения личностью своей автономности: «индивид является индивидуальностью постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества»⁷. При этом Дж. Г. Мид определяет социальные институты как общепринятую реакцию со стороны общества на поведение индивида⁸.

Подробная критика инструментальной природы институтов связана с деятельностью теоретиков франкфуртской школы (Э. Фромма, Г. Маркузе). По мнению Э. Фромма, человек непреодолимо отчужден институтами общества от своих истинных потребностей в творчестве, познании, духовном возвышении, самореализации личности⁹. Г. Маркузе видит в институтах

«рационализацию несвободы», посредством которой общество осуществляет свою независимую власть над индивидами¹⁰.

Таким образом, инструментальное направление делает акцент на том, что индивиды не имеют возможности изменения навязанных им институтов и находятся под их тотальным контролем.

Нормативно-ролевое направление исследования природы институтов берет свое начало ещё в работах Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, однако его окончательное оформление связано со школой структурно-функционального анализа.

Г. Спенсер, с именем которого связано первое широкое употребление категории «социальный институт» в социологии, рассматривал институты как образования, возникшие эволюционным путем, развитие которых связано с осуществлением определенных функций в обществе¹¹.

По Э. Дюркгейму, институт – это особый способ бытия общества, выражающийся в закреплении, установлении вне нас определенных способов действий и суждений, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли. По его мнению, институтом можно назвать все верования, все поведение, установленные группой¹². Это определение не только близко к определениям инструментального направления, но и существенно повлияло на их развитие. Однако Дюркгейм не рассматривал институты как нечто неизменное и тотальное. Институты, по его мнению, не являются чем-то чуждым человеческой природе, они позитивны и служат человеческой самореализации. Более того, возможно и нужно создание институтов, поддерживающих органическую солидарность, например, профессиональных корпораций¹³.

В работах продолжателей данного направления - теоретиков структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Р. Мертон институты предстают как нормативные регуляторы человеческих действий, определяющие ролевой набор. Институты подавляют личность, не позволяя ей выходить за рамки предписанной социальной роли. Но вместе с тем предполагается возможность альтернативного выбора института, если он зависит от содержания интересов (Т. Парсонс), или, если он может быть заменен функциональной альтернативой в случае дисфункциональных последствий (Р. Мертон)¹⁴.

Нормативно-ролевое направление делает акцент на системную составляющую функционирования институтов, т.е. их необходимость для системы в целом. Альтернативы выбора институтов индивидами здесь сильно ограничены, но в принципе возможны, если для этого существуют определенные системные предпосылки.

Следует отметить, что нормативно-ролевое направление исследования природы институтов является более распространенным как в западной, так и в отечественной традиции. В современной российской социологии ярким

представителем нормативно-ролевого направления является С.Г. Кирдина¹⁵.

Коммуникативное направление исследования природы институтов первоначально связано с попыткой представителей феноменологической социологии (А. Шюц, затем П. Бергер и Т. Лукман) включить в социологическую теорию активно действующего индивида (деятеля), конструирующего социальную реальность. Тогда институционализация должна представлять как творческий процесс создания общества. Однако, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, институт - это объективированная человеческая деятельность. Он возникает по следующей схеме: хабиитуализация (опривычивание действий) \Rightarrow взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода (институционализация) \Rightarrow легитимация института (прежде всего в языке) \Rightarrow типизация институтом как индивидуальных деятелей, так и индивидуальных действий (создание ролей)¹⁶. Исходя из данной схемы, первоначально творческий процесс создания общества переходит в институционализированный (возникают рутинные практики). В итоге, личность типизируется (социализируется) в созданной до нее институциональной структуре, и ее собственная «конструирующая» роль уже серьезно ограничена.

В рамках смягчения нормативизма структурно-функциональной традиции С. Липсет на примере политических институтов выделил два критерия прочности институциональной структуры. Первый критерий – эффективность, которая определяется на основе расчета, проводимого большинством членов общества. Второй критерий – законность. Законность понимается не в узком юридическом, а в широком социальном толковании и означает способность институциональной структуры создать и сохранить мнение о том, что существующие институты являются лучшими из тех, какие только можно придумать. Законность влияет на эмоции человека и постоянно им оценивается в соответствии с собственным мировоззрением¹⁷. Таким образом, С. Липсет указывает, что институты создаются и корректируются совместно многими людьми на основе «расчета», а не бессознательно. Вместе с тем каждый совершает не рациональный частный, а общезначимый выбор, параметры которого зависят как от эффективности результата, так и мировоззрения, формирующегося под влиянием институтов социализации.

Наиболее подробно коммуникативное направление исследования природы институтов разрабатывается Ю. Хабермасом, продолжателем традиций франкфуртской школы. По его мнению, проблему современного общества составляет не сама по себе направленность на воссоздание инструментальных институтов, а то, что эти институты носят неязыковой характер (власть, деньги). Они и создают неязыковой мир системы, «колонирующий» и разрушающий «жизненный мир». Недостатки современного обще-

ства, по Ю. Хабермасу, коренятся не в процессе рационализации как таковом, а в неспособности развить и превратить в институты те области, в которых рационально достигнутое понимание координирует действия. Конкретно это означает, что должна быть создана такая система институтов, которая позволяла бы людям в рациональной дискуссии, направленной на взаимопонимание, планировать и осуществлять материальное производство, определять политические цели. Фактически институты здесь выступают в качестве институциональных форм демократического принятия решений¹⁸.

Постмодерн, углубляя коммуникативную трактовку институтов до их отрицания, предполагает, что социальные институты, рассматриваемые как следствия овеществления, в процессе виртуализации теряют свою власть над индивидом и превращаются в «образ, включаемый в игру». В таком случае институциональный строй общества не ликвидируется. Он как бы продолжает существовать. Но это уже не порядок как «сила», а порядок как «расположение» в виртуализированном социальном пространстве. Институциональный порядок остается как симуляция, как интуитивно понятная привычная среда, необходимая для удобства¹⁹. Мы полагаем, что институциональный порядок постмодерна на практике может оказаться не столь «виртуальным». И весьма возможно он вернет себе старую силу, будучи в новом качестве.

Определения института, данные в рамках инструментального, нормативно-ролевого и коммуникативного направлений, имеют существенные различия. Однако, так как речь все таки идет об одном социальном феномене, необходимо сформулировать единое определение института. В связи с этим, мы решили вернуться к этимологии слова «институт».

Термин «институт» произошел от латинского «*institutum*» и означает «учреждение, установление»²⁰. В обыденной речи институт ассоциируется с учреждениями, прежде всего образовательными и научными. Теоретическое изучение институтов в общественных науках ставит акцент на втором значении – «установление», предлагая весьма широкий диапазон интерпретаций. Среди них нормы, комплексы норм, правила игры, типы социальной практики и т.д. Вместе с тем сам термин «установление» выпадает из поля зрения. Мы предлагаем вернуться к определению института как установления, позволяющему связать противоречивые трактовки институтов.

Исходя из определений, данных в словаре В. Даля, слово «установление», во-первых, связано с уставом, постановлением, законом, т.е. с различными видами правил и норм, прежде всего формальных. Во-вторых, установление – это процесс устанавливания и узаконивания, как мы бы сказали сейчас, процесс приобретения устойчивости и легитимности. В-третьих, установление – это основание и учреждение чего-либо, расста-

новка в должном порядке установителем, т.е. устанавливающая деятельность определенного субъекта.

Итак, институт – не только определенная устойчивая норма, правило, закон, но и саморазвитие этой нормы, правила, закона, а также деятельность по установлению нормы, правила и закона. Здесь совмещаются статическая, динамическая и управленческая характеристики института, его устойчивость, способность устанавливаться и способность быть установленным.

Вместе с тем не всякая норма (правило, закон), не всякий процесс установления и не всякая устанавливающая деятельность являются институтом. На наш взгляд, необходимо ввести такие критерии отнесения к институтам, как устойчивость и организующее влияние на социальную жизнь.

Устойчивость означает, что институт устоялся и стал самостоятельным социальным фактом, отделимым от других. В таком случае требуется достаточно большая мера воздействия, чтобы институт был изменен.

Организующее влияние института на социальную жизнь означает, что, во-первых, институт организует значительную часть социального пространства в виде ролей и статусов, во-вторых, результаты деятельности института могут трактоваться как функции и дисфункции для общественной системы в целом, в-третьих, ликвидация института образует «нишу», которая может быть заполнена только сопоставимой институциональной конфигурацией, имеющей ряд совпадающих признаков.

Таким образом, мы полагаем, что *институт – это устойчивое и организующее социальную жизнь установление.*

Прибавление к термину «институт» слова «социальный» указывает на более широкое толкование института, чем это принято в юридической науке. Соответственно, социологические понятия «институт» и «социальный институт» равны по своему значению.

Исходя из критериев отнесения к институтам, важно исследовать институциональную динамику как процесс приобретения и утраты устойчивости, а также организующего влияния на социальную жизнь. Вместе с тем, сама возможность рассмотрения институциональной динамики подвергается сомнению представителями символического интеракционизма. Так Г. Блумер пишет: «Сеть социальных действий, социальный институт не могут функционировать автоматически на основе некоей внутренней динамики или подчиняясь требованиям системы; они функционируют благодаря тому, что индивиды с различными социальными позициями делают нечто – а то, что они делают, и есть результат их определения ситуации, в которой они должны действовать»²¹.

Говоря об институциональной динамике, мы не отрицаем, что она невозможна в отрыве от индивидуальных действий. Однако то «определение ситуации», которое дает индивид, само подвержено динамике. Оно раз-

лично от эпохи к эпохе, от обстоятельств к обстоятельствам. Индивид выбирает не любое «определение ситуации», а лишь совпадающее с альтернативами выбора, возможными в данный момент. Соответственно, институциональная динамика может быть понята как динамика этих альтернатив, заданных институтами и через институты.

Динамика конкретных институтов циклична. Это связано с тем, что институты предстают перед нами как качественные состояния уже имеющих социальных явлений. Предполагая, что институт – это не какое-либо новое явление социальной реальности, а качественная характеристика уже существующего, мы признаем, что социальное явление может как приобрести, так и утратить эту институциональную характеристику. Поэтому исследовать социальное явление как институт можно только в динамике, выявив основные этапы его развития.

Мы полагаем, что этих этапов четыре: доинституциональный, институционализации, институциональный (включая периоды неинституционального состояния) и деинституционализации, которые образуют институциональный цикл для конкретного социального явления.

Доинституциональный этап может быть охарактеризован с нескольких позиций. С одной стороны, речь идет о возникновении принципиально нового социального явления, с другой - о проявлении и осознании уже существующего в новой более «гибкой» конфигурации. В первом случае доинституциональное состояние имеет место тогда, когда изучаемое явление *еще* не легитимировано индивидами, и, следовательно, не обладает устойчивостью и почти не участвует в организации общественной жизни. Во втором случае, доинституциональное состояние имеет место тогда, когда изучаемое явление *уже* не легитимировано индивидами вследствие прошедшей деинституционализации. Поэтому доинституциональное состояние может возникнуть при переходе инструментальных институтов в нормативно-ролевые и, затем, в коммуникативные.

Доинституциональный этап развития социального явления как института имеет определенные особенности. Во-первых, когда изучаемое явление находится в доинституциональном состоянии, общественная жизнь уже организована другими институтами. Поэтому институционализация социального явления приводит не к изолированно возникшему новому институту, а к новой институциональной конфигурации, в которую в разной мере включены как новые, так и давно существующие институты.

Во-вторых, доинституциональное состояние социального явления характеризуется его персонализацией - зависимостью от определенного человека. При персонализации не принадлежность к социальному явлению задает статус человека, а наоборот человек придает социальному явлению статусную характеристику. Поэтому невозможно четко определить набор

основных функций данного социального явления. Этот набор подвижен и впоследствии может относиться к разным институтам.

В-третьих, доинституциональное состояние социального явления не исключает его некоторого участия в организации общественной жизни. Но доля этого участия слишком мала и зависима от обстоятельств.

В-четвертых, в доинституциональном состоянии само социальное явление не может быть устойчивым, его признаки то появляются, то исчезают. Социальное явление обретает свою сущность в процессе институционализации.

По этим особенностям достаточно просто распознать явления, находящиеся на доинституциональном этапе. Например, на доинституциональном этапе коррупции один чиновник берет взятки, а другие не берут. Или на доинституциональном этапе развития избирательной системы для одного кандидата действуют одни правила, для другого – другие.

Этап институционализации связан с постепенной деперсонализацией и более четким определением функционального предназначения данного социального явления. На данном этапе начинается легитимация института. Затем может произойти разрастание его функций. Если функций становится несколько, одна обязательно является главной и рассматривается как функциональное требование существования института, без выполнения которого данный институт утратит легитимность и исчезнет.

Институциональный этап. Социальное явление на институциональном этапе обычно и называется институтом. Наличие у института двух основных свойств – устойчивости и организующего влияния на социальную жизнь – свидетельствует о том, что институт легитимен. Но эти свойства присущи конкретным институтам не в равной мере. В обществе есть немало устойчивых традиционных институтов, организующее влияние которых на социальную жизнь на современном этапе развития общества невелико (например, институт кровной мести, который проявляется в мести за родственников и друзей). Также существуют новые институты, которые претендуют на роль организаторов общественной жизни, но еще недостаточно устойчивы (например, рынок в нашей стране).

Необходимо принимать во внимание, что институциональное состояние социального явления включает и кратковременные периоды неинституционального состояния. Так, кратковременное введение прямого президентского правления не свидетельствует о начале деинституционализации институтов демократии.

Этап деинституционализации. Процесс деинституционализации начинается при долговременном невыполнении институтом своего функционального требования, независимо от причины этого невыполнения. Изучение механизма возможной деинституционализации выявляет слабые стороны существующих институтов. Учитывая возможность неинституцио-

нального состояния, о деинституционализации можно говорить только тогда, когда временная протяженность периодов неинституционального состояния нарастает, и оно начинает доминировать.

Деинституционализация - сложный процесс. На самом деле мы не можем привести ни одного примера полностью деинституционализированного института. Если бы такой пример был, то это означало, что деинституционализация не произошла полностью. Институты, хоть и ставшие раритетами, остались в ассортименте нашего выбора. Они, казалось бы, уже не значимы и не могут организовывать общественную жизнь. Но у них остался признак устойчивости, и поэтому они полностью не исчезли, оставшись в исторической памяти. Более того, возможно, что они войдут в новые институциональные конфигурации. Как, например, суд шариата был снова призван исламским фундаментализмом. Не прошедшая полностью деинституционализация возвращает институт в доинституциональное состояние.

На наш взгляд, изучение конкретного института может строиться на определении его типа (инструментального, нормативно-ролевого и коммуникативного) на разных этапах институционального развития, учитывая цикличность этого развития. В таком случае появляется возможность выявить причины становления неэффективных с современной точки зрения институтов и определить перспективы их развития.

В итоге, мы полагаем, что имеются предпосылки для обобщения институциональной социологической традиции в единую институциональную теорию. Большую роль в этом процессе должна играть разработка четкого понятийного аппарата. Предпринятая в данной статье попытка может стать частью этой работы.

Все замечания и предложения по поводу статьи можно направлять по адресам raven1975@mail.ru; pav1975@runet.com.

¹ В основу наших взглядов легла типология действия Ю. Хабермаса. См.: Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1995. С. 68–73; Habermas J. The theory of communicative action. V 2. Boston. Beacon Press, 1989. P. 343–348, 383–403.

² Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 152–202.

³ Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. С. 70–71.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 216.

⁵ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 536–540.

⁶ Кули Ч.Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. М., 1994. С. 382.

⁷ Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 235.

⁸ Там же.

⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 373.

¹⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 134–136.

¹¹ Спенсер Г. Основания социологии. Т.2. СПб., 1898. С. 212, 234–237.

¹² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20.

-
- ¹³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 35.
- ¹⁴ Parsons T. *The Social System*. London. Routledge. 1991. P. 38; Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1996. С. 393–461.
- ¹⁵ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
- ¹⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 89–131.
- ¹⁷ Липсет С. Политическая социология // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. М., 1965. С. 142.
- ¹⁸ Habermas J. *The theory of communicative action*. V 2. P. 343–348, 383–403; Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 329–339. Близкое понимание институтов как форм координации индивидуального, группового и социального поведения предложено в статье Франц-Х. Кауфманна и Г.А. Меньшиковой См.: Кауфманн Франц-Х., Меньшикова Г. А. Социология управления как область научного знания (зарубежные исследования 80-х годов) // Социология экономики и управления: Сб. статей / Под ред. Л. Т. Волчковой. СПб., 1998. С.113–122.
- ¹⁹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.
- ²⁰ Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 226.
- ²¹ Цит по.: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999. С. 63.